Алиса Вернер

Девушка, которая продавала ВОСПОМИНАНИЯ

Алиса Вернер

«Девушка, которая продавала воспоминания»

«Автор»
2026

Вернер А.

«Девушка, которая продавала воспоминания» / А. Вернер — «Автор», 2026

В мире, где воспоминания можно купить, продать или навсегда стереть, любовь стала всего лишь набором файлов.Меня зовут Ника. Я работаю в компании, которая помогает людям забывать боль, предательства и разбитые сердца.Но однажды в мой кабинет приходит незнакомец. Он просит удалить воспоминания о женщине, которую любил больше жизни.Во время процедуры я вижу её лицо.Моё лицо.Оказывается, мы были женаты. Более того, я уже трижды стирала воспоминания о нём.Почему я добровольно отказывалась от собственной любви? Кто заставляет нас снова и снова забывать друг друга? И какую страшную тайну скрывает компания, которой я доверяла?Теперь у меня всего семь дней, чтобы раскрыть правду, вернуть своё прошлое и спасти человека, которого я даже не помню.**Воспоминания можно уничтожить. Но что, если настоящая любовь сильнее забвения?**

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ЧЕЛОВЕК ЗА ДВЕРЬЮ 6
ГЛАВА 1. ЦЕНА СЧАСТЛИВОГО ДНЯ 7
ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК ИЗ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ 9
ГЛАВА 3. СЛЕД ОТ КОЛЬЦА 11
ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРАВДА 13
ГЛАВА 5. МЕСТО, ГДЕ НЕ СНИМАЛИ ОБУВЬ 15
ГЛАВА 6. ГОЛОС, КОТОРЫЙ Я ОСТАВИЛА СЕБЕ 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Алиса Вернер «Девушка, которая продавала воспоминания»

АЛИСА ВЕРНЕР
ДЕВУШКА, КОТОРАЯ

ПРОДАВАЛА

ВОСПОМИНАНИЯ
Роман

ПРОЛОГ. ЧЕЛОВЕК ЗА ДВЕРЬЮ

Несколько недель спустя.

В комнате было темно. Магнитофон на столе шипел, будто пытался скрыть мой голос за шумом старой плёнки.

«Если меня убедят, что я добровольно согласилась, попросите показать оригинальную подпись. Не цифровую копию. Не чужой рассказ. Исходный журнал присутствия».

Я слушала женщину, которой когда-то была, и не могла представить, как она жила с этой тайной. Её голос был моим. Страх — тоже. Но воспоминаний о том, что случилось, у меня не осталось.

«В день теста я отказалась. Я слышала, как Тихонов сказал, что можно обойти блокировку. Ирина ответила: “Сделайте то, что нужно”».

Я остановила запись и посмотрела на дверь. За стеклом старого кинотеатра виднелся редкий ночной снег. До того, как я нашла эту комнату, мне казалось, что человек исчезает, когда перестаёт помнить свою жизнь. Теперь я знала: жизнь остаётся в чужих свидетельствах, в бумажных квитанциях, в поступках, последствия которых нельзя стереть одним нажатием.

На лестнице послышались шаги.

Я погасила лампу. Экран телефона вспыхнул неожиданным сообщением с незнакомого номера:

«Не включай свет. Я уже здесь».

Я задержала дыхание. В матовом стекле двери появился силуэт мужчины. Когда он шагнул в полоску уличного света, я узнала Олега Тихонова.

Этот человек однажды предложил мне не ворошить собственное прошлое.

В его руках был белый бумажный конверт.

И я вдруг поняла: сейчас мне придётся выбрать не между любовью и ненавистью, а между молчанием и правдой, за которую можно заплатить работой, именем и собственным прошлым.

Я крепче сжала телефон.

— Вам нельзя здесь находиться, — сказала я.

ГЛАВА 1. ЦЕНА СЧАСТЛИВОГО ДНЯ

В городе Северин воспоминания стоили дороже золота. За воспоминание о первом прыжке с парашютом можно было заплатить месячную аренду. За чужую победу в спортивном финале — новый автомобиль. А за прожитый по-настоящему счастливый день — цену, о которой продавцы предпочитали не говорить вслух.

Я работала посредником между теми, кто хотел забыть, и теми, кто мечтал хоть на час почувствовать чужую жизнь своей.

— Ещё раз, — попросила женщина напротив. — Сколько я получу за запись?

Её звали Таисия Грекова. Сорок три года. Светлый плащ, натёртые красные пальцы, в кошельке — фотография девочки с двумя передними зубами, которые ещё не успели вырасти.

— Восемьдесят тысяч, — повторила я. — После комиссии. Но прежде вы должны пройти беседу с независимым консультантом.

— Вы уже трижды спрашивали, уверена ли я.

— Потому что у вас в заявке указано воспоминание о первых шагах дочери.

Таисия сжала ремешок сумки.

— Ей нужны деньги на операцию.

Я выдержала паузу. В «Линии» нас учили не реагировать на истории клиентов. Чужая нужда не должна была влиять на цену: воспоминание о любви стоило столько же, сколько любой другой устойчивый эмоциональный эпизод с похожей яркостью. Датчики определяли качество, специалисты — юридическую чистоту. Сострадание в инструкции встречалось лишь однажды: в разделе о противопоказаниях.

— Вы понимаете, что после передачи можете помнить, что у дочери были первые шаги, — сказала я, — но само переживание исчезнет? Вы будете знать дату по семейному альбому, однако уже не сможете вспомнить, как она смеялась, когда упала вам в руки.

— А покупатель сможет?

— Покупатель получит переживание, но не вашу личность. Мы закрываем лица и адреса. Он поймёт, что испытал радость, но не получит право знать вашу дочь.

— Мне всё равно, что почувствует покупатель.

Я не обиделась. Клиенты редко интересовались теми, кто платил за их жизни.

— Ваше решение можно отозвать до начала извлечения, — сказала я. — Сегодня я не стану подписывать акт.

— Но почему?

— Потому что вы сейчас выбираете не между памятью и деньгами. Вы выбираете между двумя страхами. С такими решениями лучше не торопиться.

Она посмотрела на меня с внезапной злостью.

— У вас, наверное, нет детей.

— Нет.

— Тогда вам легко рассуждать.

Это было справедливо и несправедливо одновременно. Я протянула ей адрес городской программы экстренной помощи и номер фонда, где заявки рассматривали без продажи личных данных. Не обещала, что там помогут. Только объяснила, где можно спросить.

Когда она ушла, я долго смотрела на пустое кресло.

За стеклом кабинета проплывал Северин: серые башни, влажный ноябрьский воздух 2049 года, рекламные экраны с чужими счастливыми лицами. «Проживите восход над океаном, даже если никогда не видели моря». «Почувствуйте победу без усилий». «Забудьте то, что мешает жить».

На главном экране «Линии» сиял наш новый лозунг: «Память — это выбор».

Раньше я верила ему.

— Ника, — постучала в стекло Ива, мой единственный настоящий друг в компании. — Тебя вызывает Воскресенская.

— Опять жалоба?

— Не знаю. Но она сегодня добрая. Это хуже.

Ива отвечала за архивные протоколы: невысокая девушка с короткими волосами и привычкой носить цветные серьги, даже когда руководство требовало нейтральный внешний вид. Она была одним из немногих людей, которые не пытались улучшать себе настроение чужими воспоминаниями.

— Ты ведь не подписала Грекову? — спросила она.

— Нет.

— Начальство будет недовольно.

— Пусть сначала попробует объяснить её дочери, почему счастливый день с мамой оказался товаром первой категории.

Ива слегка сжала моё плечо.

— Будь осторожна со словами.

Кабинет Ирины Воскресенской находился на тридцать втором этаже, куда сотрудники поднимались по пропускам с отдельным уровнем допуска. Мне всегда казалось странным, что начальница компании, обещавшей людям свободу выбора, так тщательно охраняла собственные коридоры.

— Вероника, — сказала она, едва я вошла. — Садись. Я просматривала твои показатели.

— Если это о клиентке Грековой...

— Это о твоём будущем.

Воскресенская говорила мягко. Она была одной из тех женщин, которым не нужен повышенный голос: остальные сами старались говорить тише. Серебряная прядь у виска, чёрный костюм, на запястье — старые механические часы.

— Скоро мы запускаем программу «Тихий берег», — продолжила она. — Медицинская помощь людям после тяжёлых потрясений. Нам потребуются специалисты, которым доверяют клиенты.

— Что именно будет делать программа?

— Избавлять от боли.

— Это рекламный ответ.

Она улыбнулась.

— По-прежнему требуешь детали. Ты была такой даже в начале карьеры.

Мне стало неуютно. Мы работали вместе пять лет, но я не помнила, чтобы когда-то разговаривала с ней близко.

— Я предлагаю повышение, — произнесла Воскресенская. — Отдел контроля согласия. Это серьёзная должность. Подумай.

Я вышла из кабинета с электронным предложением в почте и тяжестью в груди. Раньше я мечтала о такой работе. Теперь даже не могла объяснить, почему мне хотелось отказаться.

Вернувшись, я увидела нового клиента в расписании. Мужчина. Тридцать два года. Имя: Марк Левин. Запрос: выборочное удаление эмоционального воспоминания.

В графе «объект воспоминания» он написал: «Женщина, которую я любил».

Я попросила Иву подготовить кабинет.

Тогда я ещё не знала, что эта женщина — я.

ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК ИЗ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

Марк вошёл без опоздания и без попытки произвести впечатление. На нём было тёмное пальто, поношенные ботинки и шарф, связанный явно не в магазине. Волосы слегка намокли под дождём. В руках он держал бумажный конверт — редкость для Северина, где даже любовные письма давно отправляли защищёнными сообщениями.

Я заметила его глаза: серые, уставшие, как у человека, который много ночей подряд разговаривал с собой и ни разу не договорился.

— Марк Левин? — спросила я.

— Да.

— Садитесь. Вас ознакомили с процедурой?

— Ознакомили.

Он не отводил взгляда. Это мешало сосредоточиться. Обычно посетители смотрели на аппаратуру или на собственные руки. Марк смотрел на меня, словно проверял, узнаю ли я какое-то давно знакомое слово.

— Мы начнём с согласия на диагностический просмотр, — сказала я. — Я увижу короткий фрагмент, который вы сами выберете. Ничего не удаляется до отдельной подписи. Любой этап можно остановить.

— Я знаю правила.

— Тогда назовите дату события.

— Двадцать третье июня две тысячи сорок пятого.

Я внесла дату в протокол. На экране загорелся синий прямоугольник с надписью «ДОСТУП РАЗРЕШЁН».

Марк осторожно снял шарф и положил конверт на колени. Я заметила, что у него дрожат пальцы.

— Вам страшно? — спросила я.

— Больше, чем в прошлый раз.

— Вы уже проходили процедуру?

Он помолчал.

— Нет. Не такую.

Я закрепила сенсор на его виске. Контакт был обычным: холодная пластина, тонкая нить проводника, мягкий щелчок. Компьютер открыл предварительную картину воспоминания. Я ожидала увидеть бывшую девушку, ссору, отъезд, больничную палату — всё, что люди приносят к нам, когда больше не хотят просыпаться с прошлым.

Вместо этого появилась маленькая светлая комната.

Открытое окно. Белая простыня, натянутая на верёвке между стульями. Две кружки с разными ручками. И женщина в синем платье, стоящая спиной к камере.

Мужской голос, голос Марка, произнёс:

— Не оборачивайся. Ты ведь сказала, что фотографий не будет.

Женщина рассмеялась и всё-таки повернулась.

Это была я.

Не похожая на меня. Не актриса. Не случайная незнакомка с таким же цветом волос.

Я.

На шее — родинка, которую я каждое утро замечала в зеркале. На правом запястье — шрам в форме запятой. Я была моложе, волосы короче, глаза светились такой бесстрашной радостью, какой я не помнила за собой никогда.

— Ты обещал смотреть, а не проверять, — сказала девушка на записи.

— Я смотрю.

— На что?

— На жену.

Картинка качнулась. На моей руке блеснуло тонкое кольцо. А затем Марк шагнул ко мне и поцеловал так бережно, что я отвернулась от монитора раньше, чем изображение закончилось.

Тишина в кабинете стала невыносимой.

— Вы подделали запись, — сказала я.

— Нет.

— Это запрещено законом. У нас есть служба безопасности.

— Позови её, если хочешь. Но сначала посмотри на дату в служебном слое.

Я увеличила информацию. Происхождение сигнала было подлинным: индивидуальный нейронный рисунок, метки времени, контроль естественного воспоминания. Синтетическую сцену можно было подсунуть покупателю — но не замаскировать под внутренний исходный образ при такой диагностике. По крайней мере, так нас учили.

— Кто вы? — спросила я.

Он сглотнул.

— Человек, с которым ты была замужем.

Я отодвинула кресло.

— Это невозможно.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете. Я бы помнила.

— Не обязательно.

Я вспомнила лица людей, выходивших из нашего отделения после выборочного удаления. Они знали, что когда-то любили, но не могли объяснить, почему в горле застревает комок при звуке определённой песни. Иногда месяцами не узнавали человека, которому доверяли больше всех на свете.

— Вы должны уйти, — произнесла я.

Марк поднял руки, показывая, что не собирается приближаться.

— Хорошо. Но перед этим возьми конверт. Только если сама захочешь.

Он положил бумагу на стол и встал.

— Почему сейчас? — спросила я, прежде чем он дошёл до двери.

— Потому что скоро запускают «Тихий берег». После запуска тебе будет труднее задать вопросы.

Я замерла.

— Что вы знаете о программе?

— Достаточно, чтобы бояться за тебя.

Он уже взялся за ручку, когда я произнесла:

— Если мы были женаты, почему вы дали мне забыть вас?

Марк долго смотрел на дверь.

— Потому что первые два раза ты сама меня попросила.

— А третий?

Он обернулся. В его глазах не было победы человека, наконец добившегося признания. Только отчаянная усталость.

— В третий раз никто тебя не спрашивал.

Дверь закрылась.

Я осталась наедине с конвертом. На лицевой стороне моим почерком было написано: «Открыть только тогда, когда перестанешь бояться собственного почерка».

ГЛАВА 3. СЛЕД ОТ КОЛЬЦА

Вечером я трижды проверила замок входной двери. Затем поставила конверт на кухонный стол так, словно внутри могло оказаться что-то взрывоопасное.

Моя квартира была маленькой и аккуратной. Здесь не было фотографий на стенах, памятных билетов, бесполезных сувениров. Любой посетитель решил бы, что я недавно переехала. Я жила здесь четвёртый год.

Вопрос, почему у меня так мало прошлого, прежде никогда не приходил в голову.

Я позвонила Иве.

— Скажи честно, — начала я, не поздоровавшись, — ты знала, что я была замужем?

Молчание затянулось. За её спиной кто-то смеялся: Ива, кажется, шла по магазину.

— Что случилось?

— Ты слышала вопрос.

— Ника, кто тебе это сказал?

— Клиент. Показал воспоминание. Там моя свадьба.

— Я сейчас приеду.

В трубке раздались короткие гудки.

Ива появилась через полчаса с двумя пакетами еды. Она всегда покупала лишнее, когда нервничала. Сняла пальто, разулась, поставила пакет на стол и лишь тогда посмотрела на конверт.

— Ты его открывала?

— Нет.

— Хорошо.

Я резко обернулась.

— Почему хорошо?

Она села.

— Потому что тебе стоит сначала узнать правила, по которым ты жила.

— Ива, хватит загадок. Ты моя подруга или сотрудник «Линии»?

Она вздрогнула, как будто я ударила её.

— И то и другое. Я пыталась быть первым.

Я села напротив. Часы на стене бесшумно отсчитали несколько секунд.

— Ты знаешь Марка Левина?

— Да.

— Сколько лет?

— Четыре года.

Меня охватил холод.

— А меня сколько?

— Пять.

— Значит, почти с начала нашего знакомства ты знала, что я не помню собственного мужа.

— Сначала я знала только, что ты проходила процедуру по закрытому протоколу. Потом — что тебе нельзя показывать некоторые документы без согласования. Когда я поняла, кто такой Марк, ты уже сама запретила мне говорить о нём.

— Я не могла запретить то, чего не помню.

— Могла до удаления.

В этих словах была простая, отвратительная логика. Именно так работал наш бизнес: согласие давалось до того, как исчезала причина согласия.

— Сколько раз? — спросила я.

Ива опустила взгляд.

— Три.

Я рассмеялась — не весело, а как человек, который внезапно обнаружил под ногами пустую ступень.

— Я трижды выбирала забыть его?

— Третий протокол закрыт для меня. В документах стоит твоя подпись, но я не могу проверить её подлинность.

Я положила обе ладони на стол. На безымянном пальце правой руки бледнела тонкая полоска кожи, которую я раньше принимала за след старого ожога. Марк носил кольцо на левой руке. Я перевела взгляд на свой палец и вдруг поняла, что четыре года смотрела на этот след, не задавая вопросов.

— Почему ты не сказала?

— Потому что после второго удаления ты написала заявление: «Не сообщать мне сведения, способные восстановить контакт без моего запроса». Я думала, что защищаю тебя.

— А потом?

Ива заплакала. Быстро, зло, вытирая щёки рукавом.

— Потом я увидела третью запись. И поняла, что защитить тебя можно только нарушив всё, во что мы верили.

Я подвинула конверт к себе.

— Ты не будешь меня останавливать?

— Нет. Только не делай вид, что бумага заменит твою память.

Внутри лежали три предмета: ключ с номером семнадцать, снимок двух кружек на подоконнике и листок с ровными строчками.

«Ника, если ты читаешь это, значит, однажды решила спросить, а не отступить. Не соглашайся на немедленное восстановление. Они могут показать тебе правду, а могут собрать её из чужих фрагментов. Попроси три независимых доказательства. Первое — свидетельство из государственного реестра, без доступа компании. Второе — запись о моих собственных решениях. Третье — то, что помнит не аппарат, а человек рядом. Не обязана снова его любить. Но прошу: выслушай до конца. Ключ не в голове. Ищи место, где мы не снимали обувь. Не останавливайся на первой открытой двери».

Подписи не было.

Я узнала каждый изгиб буквы «д». Так я писала ещё в школе.

— Где комната семнадцать? — спросила я.

Ива побледнела.

— Не знаю.

Её ответ показался честным. И именно это пугало сильнее всего.

ГЛАВА 4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРАВДА

В общественном архиве сохранился запах бумаги, хотя бумажных дел здесь почти не осталось. Наверное, архитекторы специально придумали этот запах для людей, которым казалось, что электронные документы без него ненадёжны.

Я пришла за двадцать минут до открытия и заняла очередь между пожилым мужчиной, разыскивавшим сведения о брате, и женщиной, оформлявшей наследство.

Сотрудница выдала мне распечатку семейного статуса. Там стояло: «Брак зарегистрирован 23.06.2045. Расторгнут 14.09.2047». Супруг — Марк Андреевич Левин.

Я перечитала документ пять раз. Затем попросила копию заявления о разводе.

— Дело закрыто по программе защиты персональных данных, — сказала сотрудница. — Но как сторона вы можете запросить его через суд.

— Я подавала заявление сама?

— В электронном реестре стоит ваша идентификация. Других сведений у меня нет.

На улице моросил дождь. Я спряталась под навес остановки, держа распечатку так крепко, что она стала мяться по краям.

Я была чьей-то женой.

Я когда-то подписывала документы, ссорилась, смеялась над семейными привычками, выбирала общие тарелки. Развёлся ли Марк со мной по-настоящему? Кто из нас ушёл? И было ли моё решение свободным?

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от начальницы: «Вероника, прошу зайти до шести. Не откладывай».

Вторая проверка из письма требовала найти записи моих собственных решений. Я открыла защищённый портал «Линии» и запросила выписку о проведённых удалениях. Запрос завис. Затем появилось уведомление: «Только через ответственного врача».

Никогда раньше я не сталкивалась с таким ограничением. Клиент имел право получить собственный журнал процедур, даже если эпизод, ради которого он приходил, уже исчез.

Я набрала Иву.

— Журнал закрыт, — сказала я. — У тебя есть объяснение?

— Есть подозрение. Не произноси его по служебной связи.

— Мы разговариваем по моей личной.

— Встретимся у старого кинотеатра. В семь. И никому не показывай конверт.

Я собиралась спросить о Марке, но она отключилась.

В обед позвонила мама. После первых двух гудков я хотела сбросить вызов: её голос всегда возвращал меня к вопросам, на которые я не умела отвечать.

— Никочка, ты хоть ешь нормально? — спросила она.

— Ем. Мам, можно кое-что спросить?

— Конечно.

— Почему ты никогда не говорила о моей свадьбе?

В трубке стало так тихо, что я услышала работу её старого холодильника.

— Ты просила, — сказала мама.

— Когда?

— В больнице. После первой процедуры. Ты взяла меня за руки и сказала, что я не должна возвращать тебе человека, от которого ты уходишь ради его же безопасности. А потом плакала так, что я едва тебя узнала.

Я села прямо на мокрую скамейку.

— Ты видела Марка?

— Видела. Он стоял в коридоре всю ночь. Спросил, можно ли хотя бы оставить тебе твою любимую кружку. Я сказала, что нельзя. Не потому, что ненавидела его. Потому что ты меня об этом попросила.

Мне захотелось сказать, что она ошиблась. Что моя мать, человек, который когда-то определял моё настроение по звуку ключа в замке, не могла так долго молчать.

Но она говорила правду. Я слышала это по тому, как у неё дрожал голос.

— А потом ты встретила его снова, — добавила мама. — И однажды приехала ко мне счастливая. Я уже хотела спросить, кто он, но ты сказала: «Не сейчас». Через месяц всё повторилось.

— Почему ты не остановила меня?

— Потому что ты взрослая. А я слишком поздно научилась уважать это.

Мы обе замолчали.

После разговора я вдруг поняла, что в письме было три доказательства не ради юридической красоты. Я не должна была строить новую жизнь исключительно на словах Марка, Ивы или даже матери.

Первое доказательство у меня было. Второе кто-то спрятал. Третье ещё предстояло заслужить.

Когда вечером я вышла из архива, возле остановки меня ждала женщина в сером пальто. Она назвала моё полное имя и протянула визитку «Тихого берега».

— Вам предложена новая должность, — сказала она. — Руководство рассчитывает, что вы не станете отвлекаться на личные обстоятельства.

— Вы следите за мной?

— Я передаю приглашение.

Она повернулась и ушла.

На обороте визитки стояла одна фраза: «Некоторые воспоминания опасны для тех, кто их хранит».

ГЛАВА 5. МЕСТО, ГДЕ НЕ СНИМАЛИ ОБУВЬ

Старый кинотеатр «Заря» уже несколько лет не показывал фильмов. Власти обещали отремонтировать фасад, потом продали здание частному фонду, потом снова передумали. На входе висела табличка «Открыто по пятницам», хотя сегодня был четверг.

Ива ждала у боковой двери.

— Я проверила твой доступ, — сказала она без приветствия. — Журнал не просто закрыт. Твой профиль перенесён в архив «Нулевой комнаты».

— Что это?

— В официальном описании — отсек для протоколов повышенной безопасности. На практике туда попадает всё, что не должно появляться в обычной статистике.

Мы вошли в тёмный коридор. Пахло пылью и холодным металлом. В вестибюле сохранилась мозаика с женщиной, держащей красный шар. Под ногами были выщербленные плитки.

— Почему мы здесь? — спросила я.

Ива остановилась у двери с номером семнадцать.

У меня перехватило дыхание.

— Ты знала?

— Я нашла номер вчера ночью. В старом архиве кинотеатра есть арендаторы. Комнату снимали на имя Марка Левина. Больше я ничего не открывала.

Ключ из конверта подошёл.

За дверью оказалась бывшая аппаратная, превращённая в жилую мастерскую. На полу — грубые доски, у окна — кресло с просевшим сиденьем, возле стены — стопки книг. На крючке висели две куртки. В углу стоял маленький электрический чайник.

И две кружки на подоконнике.

Разные ручки. Одна с трещиной у ободка. Вторая синяя, с нарисованным белым китом.

Я невольно шагнула вперёд.

— Не снимали обувь, — прошептала я.

Ива посмотрела на мои ботинки. Я стояла на старом ковре, не снимая их, потому что пол был ледяной.

— Что?

— В записке сказано: «Ищи место, где мы не снимали обувь». Здесь слишком холодно, — объяснила я. — В этой комнате мы, наверное, всегда были в ботинках.

На стене висела фотография: я сидела на подоконнике и держала кружку с китом. Марк снимал, и его отражение виднелось в стекле. За окном шёл снег. На обороте было написано: «Не забывай чай. 2045».

Я села на краешек кресла.

Ничего не вернулось.

Я знала, что фотография настоящая. Видела своё лицо, знакомый смех в поднятом подбородке. Но это было похоже на чужой семейный альбом.

— Я думала, если войду, станет легче, — призналась я.

— А стало?

— Нет. Только обиднее.

Ива присела рядом, ничего не говоря.

Под столом мы нашли деревянную коробку с шестью кассетами старого типа — не цифровыми, а магнитными, которые когда-то использовали в бытовых диктофонах. Рядом лежал блокнот с графиками подачи питания и списком дат.

— Магнитная запись, — заметила Ива. — Её не стереть удалённой командой.

На первой кассете аккуратными буквами было написано: «Первый раз. Не воспроизводить одной».

Вторая: «Цена молчания».

Третья: «Воскресенская».

Остальные были без подписей.

Я протянула руку, но Ива остановила меня.

— Есть ещё кое-что.

Она показала на стол. В ящике лежала распечатка договора о сохранности памяти с двумя подписями. Моей и Марка. Я прочитала первую строку:

«Мы обязуемся не требовать друг от друга восстановления чувств, которые одна из сторон утратила в результате процедуры».

Дальше шло ещё девять пунктов.

Я почувствовала, как к горлу поднимается смех и слёзы одновременно. До чего же странная у нас была любовь, если мы успели юридически оформить право не любить.

— Ника, — тихо сказала Ива. — Ты не обязана слушать всё сегодня.

— Знаю.

Я взяла первую кассету и положила в карман.

— Но я хочу узнать, почему мне понадобилось это право.

ГЛАВА 6. ГОЛОС, КОТОРЫЙ Я ОСТАВИЛА СЕБЕ

Магнитофон нашёлся в кладовке кинотеатра. Ива вытерла пыль рукавом, проверила батарейки и поставила устройство на стол между нами. Я держала первую кассету так долго, что пластик согрелся в ладони.

— Можешь уйти, — сказала Ива.

— Ты мне это уже говорила.

— Значит, повторю ещё столько раз, сколько понадобится.

Я вставила кассету.

Сначала был треск. Потом мой голос — немного ниже, усталее, чем сейчас:

«Двадцать девятое ноября две тысячи сорок шестого. Я — Вероника Савина. Мне двадцать шесть лет. Это решение я принимаю добровольно в смысле юридического согласия, но не свободно в обычном человеческом смысле. Если я откажусь, сведения о Марке станут частью обязательного досмотра. Воскресенская обещала остановить проверку только при условии, что я закрою эмоциональный контур, связанный с ним».

Я прижала ладони к коленям.

Запись продолжалась:

«Марк не просил меня забывать. Он вообще сказал, что лучше потеряет работу и уедет. Но они знают о его сестре, и я не позволю использовать её медицинские данные как рычаг. Я знаю, что делаю. И всё равно боюсь. Если когда-нибудь захочу восстановить нашу историю, пусть мне расскажут правду: мы поженились летом сорок пятого. Я любила его не потому, что он был хорошим человеком каждую минуту. Он ошибался. Я тоже. Но рядом с ним я ни разу не притворялась собой».

Я остановила запись.

Ива не смотрела на меня.

— Кто его сестра? — спросила я.

— Маша. Младше Марка на девять лет. После аварии ей делали экспериментальное восстановление памяти, — ответила Ива. — В «Линии» хранились результаты.

— То есть мой выбор был сделкой с человеком, который держал нас за горло.

— Так это звучит на записи.

Я снова нажала кнопку.

«Я не могу знать, что почувствую завтра. Может, облегчение. Может, пустоту. Поэтому оставляю себе это, не для того чтобы заставить помнить, а чтобы однажды могла решать на основе правды. Марк, если ты когда-нибудь это услышишь, не сердись. Я не ухожу от тебя. Я ухожу от того способа, которым они могут до тебя добраться».

Потом послышался чужой голос — мужской, растерянный:

— Ника, я не позволю тебе пройти процедуру одной.

— Ты и не сможешь войти со мной. Пожалуйста, посмотри на меня сейчас. Только сейчас.

Запись закончилась шуршанием.

Я поставила магнитофон на паузу и заплакала без звука. Не из-за внезапно вернувшейся любви: её не было. Меня потрясло другое. Женщина, которой я когда-то была, смотрела прямо на будущую меня и говорила так, будто верила мне сильнее, чем окружающему миру.

— Я не помню её, — прошептала я.

— Но она тебя помнила, — ответила Ива.

Когда мы вышли из кинотеатра, на улице уже темнело. Я решила позвонить Марку. Он ответил с первого гудка.

— Я нашла запись, — сказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.